

Одн из жих люби-
мых поэтов-песенников —
Николай Доризо. Его пес-
ни «А я люблю женатого»,
«Помнишь, мама», «На тот
большак, на перекресток»
и многие другие поют люди
самых разных возрастов и
профессий. Не так давно я
была в Оренбурге и там в
драматическом театре с
удовольствием посмотрела
песню в стихах Николая
Доризо «Место действия —
Россия» («Пугачев»). А со-
сем недавно открыла для
себя еще одну грань талан-
та любимого поэта: в те-
левизионной передаче «Во-
круг смеха» он выступил
со своими устными рас-
сказами. Мне очень захо-
телось получить узнать о
творчестве поэта, его пла-
нах.

А. КЛИМОВА,
инженер.

КАЛИНИН.

Очень точно о творчестве
Николая Доризо сказал в
предисловии к одной из его
книг поэт Сергей Васильев:
«Песня и повесть, устный
шарж и философское стихо-
творение, пьеса в стихах и га-
зетный очерк — нет ли в этом
излишней всеядности, меша-
ющей углубленному и сосре-
доточенному литературному
творчеству? В том-то и де-
ло, что нет. В поэзии Доризо,
как и в самой жизни, сосед-
ствуют грусть и шутка, ирония
и трагизм — все это со-
вершенно естественно, орга-
нично, правдиво. На протя-
жении многих лет Николай
Доризо чрезвычайно последо-
вателен в отборе своих, я бы
сказал, «доризовских» тем. В
песне и в драме, в стихотворе-
нии и в повести ему нужен
конфликт, парадокс, афоризм,
причинность. По этим
признакам всегда можно уз-
нать стиль и почерк беспок-
ойного поэта».

Выполняя просьбу чита-
тельницы, мы встретились с
Николаем Доризо в его мос-
ковской квартире и попросили
рассказать о своей работе,
творческих планах.

— Николай Константино-
вич, при всем жанровом раз-
нообразии ваших произведе-
ний вас прежде всего счита-
ют поэтом-песенником. Како-
во место песни в вашем твор-
честве?

— Какую бы я ни напи-
сал поэму, она не будет так
известна, как та же песня
«А я люблю женатого». И
спасибо ей за то, что она со-
здала мне известность как
поэту-песеннику. Я сам по-
клонник замечательной тра-
диции русской песни, когда
в двенадцати строчках на-
рисована целая картина на-
родной жизни, и всегда стара-
юсь, чтобы песня моя была
сюжетной. В этом смысле
для меня образец — Исаков-
ский, например, его «Враги
сожгли родную хату».

Я против пустых песен,
которые расплодилось нынче
в огромном количестве. Считаю,
что нужен закон об охране
песни, как об охране
природы. В «танцевальной»
песне, поставленной на по-
ток, слова носят чисто вспо-
могательный характер. Но
народной она никогда не стан-
ет. Народ помнит песню
прежде всего за ее текст.

Песня мне открыла мно-
гие дороги, многие сердца,
придала силы, потому что
очень важно сознавать, что
делаешь нужное, полезное
людям дело. Но в то же вре-
мя песня, забегая вперед,
«отвлекает» что ли читателей
от моих произведений других
жанров.

— Вероятно, читателям
было бы интересно заглянуть
в вашу творческую лаборато-
рию...

— Стихи должны во мне
помолчать, прежде чем по-
явиться на свет. С большим
опозданием я пишу то, что
мной уже давно выношено.

Сначала возникает предчув-
ствие произведения, где-то в
разговоре, за чтением, на
улице оно вдруг, как молния,
осеняет... и потом нужно дол-
гое время, чтобы мысль об-
росла материалом. Во мне
всегда молчат стихи. Порой
они молчат очень долго. И
нужно очень много не напи-
сать, чтобы что-то написать:

Молчат во мне тома
стихотворений,
Мучительно молчит во мне
мой труд.
Стихи годами ждут
своих мгновений,
Ждут нужных слов,
а годы все идут.

Сейчас у меня в производ-
стве находится книга стихов,
которая состоит из двух тет-
радей. Первая тетрадь — это
мои юношеские стихи, стихи
моей молодости. Вторая —

значно, хотя, особенно в по-
следнее время, появилось
много новых исследований,
материалов, начисто снимаю-
щих возведенные на нее наве-
ты. У меня же ее абсолют-
ная честность и верность ни-
когда не вызывали сомнений,
но для произведения мало од-
них эмоций: как и в своих
предыдущих пьесах в сти-
хах — «Место действия —
Россия» («Пугачев») и «Ан-
дрей Желябов», я стремлюсь
к документальной достовер-
ности описываемых событий.
И сам искал эти доказатель-
ства многие годы — в лите-
ратурных произведениях,
письмах, мемуарах. И на-
шел, представьте себе, у че-
ловека, которому нельзя не
верить, — у М. Лермонтова:

Погиб поэт,
невольник чести
Пал оклеветанный
молвой.

Николай ДОРИЗО: СТИХИ ГОДАМИ ЖДУТ СВОИХ МГНОВЕНИЙ

стихи сегодняшнего дня. Эти
две тетради не просто сосед-
ствуют, но как бы взаим-
но проникают друг в дру-
га. Жизнь обогащала ме-
ня опытом, но что-то оста-
лось во мне без изменений на-
всегда — наверное, природа
чувств. Я даже удивляюсь
сегодня, читая юношеские
стихи и узнавая свою ны-
нешнюю стихотворную «по-
ходку».

Еще школьником я напи-
сал стихотворение, в котором
калялся в грехах, которые сам
и придумывал. Я уже и то-
гда понимал, что стихотворе-
ние это искусственно, но кон-
чалось оно строчками, кото-
рые живы для меня и сей-
час.

Но самый большой грех
из всех
В том, что я день
спокойно прожил,
Что ни один подобный грех
Меня сегодня не встревожил.

Эти строчки я носил мно-
гие годы, не находя к ним
ключа. И вдруг совершенно
случайно в Чехословакии,
где я был на премьере своей
пьесы «Две женщины и за-
висть», мне пришли слова,
дописавшие стихотворение:

Быть равнодушным
к близким — грех,
И пить вино без меры —
грех,
Неверность — грех
И леньность — грех,
Недостоверность
в дружбе — грех.

и дальше... идет мое раннее
четверостишие.

Работа эта была для меня
очень приятной, потому что
я как бы вдохнул воздух соб-
ственной юности и даже по-
модел.

— Что же молчит в вас
«громче» всего сегодня?

— Многие годы я ношу в
себе, пишу трагедию в стихах
«Наталия Пушкина». Конечно,
это трагедия о Пушкине,
хотя самого поэта не будет
среди действующих лиц, но
за него в пьесе будут гово-
рить документы. Почему же
я выбрал Наталию Гончарову
героиней своей трагедии? Об-
раз ее, одной из извест-
нейших женщин в истории
России, волновал меня со
школьной скамьи. Он во мно-
гом еще остается загадкой и
продолжает, как и прежде,
приковывать к себе взоры
людей. Отношение к этой
женщине отнюдь не одно-

Невольник чести... Если
бы речь шла об измене, то
логичнее было бы «защит-
ник чести». Уж Лермонтов-то
умел найти слово, абсолютно
точное по смыслу, — в этом
же самом стихотворении есть
гениальные, убийственно мет-
кие характеристики. А если
Пушкин защищал честь не-
вольно, значит, честь его не
была задета, была лишь лож-
ная ситуация. Смысл следу-
ющей строчки вытекает из
предыдущей: «Пал оклеве-
танный молвой» — значит,
его, а точнее, Наталию, окле-
ветали.

За многие годы у меня на-
брались целые чемоданы ма-
териалов о Пушкине, его
взаимоотношениях с супру-
гой, которые не только не
оставляют места ходячему
образу невнимательной к
стихам мужа и вечно торо-
пящейся на балы Наталии, но
рисуют портрет удивитель-
ной, незаурядной женщи-
ны — ослепительной краса-
вицы, верной и любящей же-
ны, прекрасной матери четы-
рех детей, умной и тонкой
ценительницы пушкинских
стихов, мнением которой ве-
ликий поэт очень дорожил.
Такой она была в жизни, та-
кой будет и в моей пьесе.

Теперь о жанре. Театр как-
то недоверчиво относится к
трагедии в стихах. Мне же
эта форма очень дорога. По-
этическая речь при ее со-
бранности, взволнованности,
афористичности предельно
емка, концентрирована.
Пьеса в стихах всегда дина-
мична, событийна. Уверен,
пьеса в стихах еще предостит
большое будущее.

— Не слишком ли вы
строги к нашим театрам,

ведь классические пьесы в
стихах как будто с успехом
идут во многих из них?

— Верно, классические
идут. Зритель привык, что
герои Шекспира или Грибое-
дова говорят стихами, и его
это не удивляет, а вот поэти-
ческий язык в устах нашего
современника — инженера,
рабочего, студента — может
прозвучать недостоверно и
даже комично, если в пьесе
нет сильной внутренней пру-
жины, эмоциональной напол-
ненности. Зритель не должен
даже замечать, что это сти-
хи. Чтобы отразить наше
время с его высоким соци-
альным смыслом, крупны-
ми, эпохальными событиями
и свершениями, драматургия
тянется от скучного бытовиз-
ма к каким-то большим обоб-
щенным образам. А это, как
раз и требует поэтического,
возвышенного слова.

— Сегодня, когда наша
литература — это в полном
смысле общественное, парт-
ийное, государственное де-
ло, она предъявляет свои
требования и к поэту...

— Как секретарю правле-
ния Союза писателей РСФСР
мне много приходится запи-
маться общественной рабо-
той, ездить по стране. Поездки,
встречи с людьми дают
возможность осознать важней-
шие проблемы: нравствен-
ные, экономические, стоящие
сегодня перед нами, и кото-
рые мы, писатели, обязаны
помогать решать своим тру-
дом. Мне довелось быть на
строительстве КамАЗа, ко-
гда великая стройка только
еще начиналась, а совсем
недавно вновь побывал там
и видел сошедший с конвейера
100-тысячный грузовик,
видел новый город — На-
бережные Челны, и знаю,
как ему грозил затоплением
редчайший по силе паводок
и как люди самоотверженно
спасали его. Узнал и о том,
что по вине каких-то голово-
телов не было вовремя до-
ставлено важное оборудова-
ние и какие тяжелые послед-
ствия это могло иметь. И
где-то во мне уже живет
мысль о том, что безответ-
ственность в одном зве-
не производства способна
поставить под угрозу все
дело, о том, как при ор-
гомных преимуществах на-
шей системы возрастает и от-
ветственность каждого за по-
рученное дело. Здесь и осо-
бая философия человеческих
отношений. Конечно, это не
значит, что я завтра сяду пи-
сать пьесу на эту тему. Она
должна дожидаться еще сво-
его часа, обогатиться новыми
впечатлениями, которые ук-
репят меня в уверенности, в
необходимости такого произ-
ведения.

— Мы знаем, что у вас
есть свой, ни на что не похо-
жий театр, театр одного ак-
тера, театр устных литера-
турных пародий и рассказов.
Расскажите, пожалуйста, об
этом театре.

— У меня с детства по-
явилась привычка имитиро-
вать окружающих, их слова,
жесты, сначала в семье, по-
том в школе, потом в уни-
верситете, потом среди това-
рищей по литературному
цеху. С годами у меня собра-
лась довольно объемистая
книжка таких устных расска-
зов. Слово «книжка» здесь
абсолютно условно, потому

что эти рассказы нигде и ни-
когда я не записывал. Каж-
дый раз я немного импрови-
зирую. Эти рассказы увлека-
ют меня возможностью на
конкретном прототипе, в кон-
кретной ситуации создать
характер, проникнуть во
внутреннюю его суть.

Почему я так люблю эти
юмористические рассказы?
Потому что я сам не могу
долго обходиться без того,
чтобы от души не рассмеять-
ся. Смех — это огромное на-
ше богатство.

— Что вы можете сказать
о себе как о читателе?

— Грешен, люблю сам
процесс чтения. Даже когда
читаю плохую книжку, то не
бросаю ее — интересно, до
какой же степени она плоха.
Очень люблю читать, но ча-
сто вынужден сознательно...
лишать себя радости прочи-
тать хорошую книгу. Не раз
со мной бывало, что, приехав
поработать в Дом творчест-
ва, не удержавшись, зайдешь
в библиотеку, возьмешь До-
стоевского, и работа насмар-
ку — начинается читатель-
ский «запой»: «нет бескоры-
стней творчества, чем вдох-
новенные чтенья».

— Кто ваши любимые
поэты?

— Меня удивил бы лю-
бой честный человек, не на-
зававший на первом месте
Пушкина. У нас есть много
великих и любимых мной
поэтов — Лермонтов, Некра-
сов, Тютчев, Фет, Блок, Есе-
нин, но поэзия Пушкина —
это наш храм, и если чело-
век входит в этот храм, не
сняв шапку, он не может
быть настоящим поэтом.

Если говорить о современ-
ной поэзии, то мне близки и
дороги многие произведения
А. Твардовского, И. Тихоно-
ва, М. Исаковского, Я. Сме-
лякова. Все они были не про-
сто замечательные поэты, но
и крупные личности. А поэ-
зия, любое творчество — это
всегда продолжение челове-
ческой личности, ее произ-
водное. Я бы мог назвать
еще многих наших поэтов, но
правильнее было бы сказать,
что у меня есть не любимые
поэты, а любимые произве-
дения.

— Каковы ваши взаимо-
отношения с читателем?

— Я люблю людей, люб-
лю общение, во мне замира-
ют сердце и душа, когда я
открываю в человеке что-то
новое, какую-то неизвестную
мне черточку. И это находит
потом свою реализацию в
стихах, пьесах, песнях, поэ-
мах. Мне обязательно нужно
прикоснуться к человеку.

Почему мне еще так ва-
жно общение с людьми? Пото-
му что пишем мы для людей,
а я глубоко убежден, что на-
ряду с писательским талан-
том существует понятие «чи-
тательский талант». Талант
читателя — это великая
вещь! Я считаю, что точка
соприкосновения писатель-
ского и читательского талан-
тов и есть литература. Поэту
мало обладать поэтическим
даром, образным мышлени-
ем, он должен еще иметь осо-
бий слух — чувствовать чи-
тателя, его мысли, заботы.
Доверие к читательскому та-
ланту — вся моя надежда в
работе. Ведь у талантливого
читателя мое произведение
наполняется его судьбой, его
видением мира, оно обога-
щается его чувствами и сопе-
реживанием.

Думаю, что в нашей стра-
не с ее традиционно самой
демократической поэзией в
мире талантливых читателей
гораздо больше, чем в дру-
гих странах. Мы, сегодняш-
ние советские поэты, унасле-
довали величайшую поэзию
и лучшего в мире читателя.

Беседу вел
А. МИЛОВСКИЙ.